

УДК 343.2

А.В. Пилюк

СИСТЕМНОСТЬ И СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЕ СВОЙСТВА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Устойчивость системы уголовного судопроизводства обеспечивается наличием интегративных связей между ее элементами, обусловленностью наличия отдельных частей системы иными ее частями и компонентами, «связанностью» в единое целое и взаимопроникновением всех элементов. Комплекс прав и обязанностей каждого участника судопроизводства должен быть сбалансирован, причем в равновесии должны находиться процессуальные статусы всех участников, чтобы профессиональные задачи, процессуальные функции, отстаивание собственных либо представляемых интересов осуществлялись наиболее эффективным образом. Поскольку уголовное судопроизводство – поступательный, движущийся от начала к логическому завершению процесс, состоящий из системы стадий, также имеющих свои задачи и назначение, компетенции субъектов и разнонаправленные интересы должны быть сбалансированы как в целом, так и применительно к конкретным стадиям. При удовлетворительной организации и сбалансированности уголовного процесса, как и иных областей жизнедеятельности общества, достигается общее назначение уголовного судопроизводства – обеспечение социальной стабильности и правопорядка в обществе.

Ключевые слова: *тип российского уголовного процесса, постулаты уголовного судопроизводства, система уголовного процесса, цель уголовного судопроизводства, основные и факультативные элементы уголовного процесса.*

Уголовный процесс, как известно, – это урегулированная нормами уголовно-процессуального права деятельность его субъектов, выражающаяся в виде возникающих, развивающихся, изменяющихся и прекращающихся правоотношений.

Важнейшими свойствами, качествами уголовного процесса являются его системность и сбалансированность.

Под системой уголовного процесса мы склонны понимать не только совокупность действий участвующих в уголовном деле лиц и даже не только и не столько построение уголовного процесса в виде упорядоченного институционального образования, имеющего свою структуру и внутренние связи, качество системности определяет уголовный процесс как образование, характеризующееся, прежде всего, наличием и спецификой связей (отношений) между его элементами, причем связей взаимозависимых, взаимообусловленных, определяющих интегративные свойства системы как целого».

Под сбалансированностью любого системного образования подразумевается непротиворечивость, уравновешенность элементов системы, такое ее состояние, которое позволяет системе находиться в равновесии и выполнять свое предназначение наилучшим образом. Устойчивость системы обеспечивается наличием интегративных связей между ее элементами, обусловленностью наличия отдельных частей системы иными ее частями и компонентами, «связанностью» в единое целое и взаимопроникновением всех ее элементов. Если система сбалансирована, объединена в единое образование – она длительное время действует эффективно, выполняя свое назначение.

Первый вопрос, который следует разрешить, – вопрос о том, что является системообразующим фактором для уголовного процесса как системы.

Представляется, следует согласиться с Ю.А. Фроловым, указавшим, что системообразующим элементом уголовного процесса является его цель [1, с. 15]. Процесс человеческой деятельности, процесс познания не может быть бесцельным. Отметим, что в отличие от данного автора мы не склонны считать, что цели уголовного процесса различаются в зависимости от исторического периода развития государства либо от типа судопроизводства, а также не видим оснований устанавливать иерархию целей. Как представляется, цель любого судопроизводства – разрешить уголовное дело по справедливости, то есть наказать виновного и предотвратить осуждение невиновного. Вести речь об эффективности судопроизводства можно, на наш взгляд, только с позиции того, как реализуются в обществе эти два требования. Если уголовный процесс, как и иные области жизнедеятельности общества, организован удовлетворительно и отвечает своему назначению – общество и государство стабильны, если нет – итогом станут социальные потрясения. А для того чтобы осудить и наказать именно виновное лицо, любой суд должен как можно более полно установить обстоятельства совершенного деяния, причем, что общепризнано в цивилизованном обществе, не любыми способами, а с соблюдением процессуальных гарантий, обеспечивая соблюдение прав как личности (как обвиняемого, так и потерпевшего), так и учитывая интересы общества, государства. Верно мнение, что установление истины в любом случае является целью доказывания, промежуточной целью и необходимым условием достижения любой общей цели уголовного процесса, как бы она ни была сформулирована в законе [2, с. 50]. В самом же общем плане цель уголовного процесса – разрешить социальный конфликт, обеспечить (наряду и вместе с иными механизмами) социальную стабильность и правопорядок в обществе.

Следует вспомнить и такую азбучную истину, что любой объект материального мира, а также любая социальная система или социальное образование имеют закономерности своего построения, подчиняющиеся физическим, математическим, логическим, социальным законам.

Вообще, изучая целевые установки и закономерности построения уголовного судопроизводства, следует выделить определенные аксиомы, постулаты, игнорировать либо не замечать которые недопустимо. К таковым постулатам, как представляется, необходимо отнести следующие:

1. Наказывать допустимо лишь лицо, виновное в совершении преступления, нельзя подвергать репрессии невиновного. Именно данное положение и предопределяет требование установления истины, неважно, как она будет называться и каким термином определяться.

2. Орган государства, производящий сбор информации (как производящий непроцессуальное дознание в англо-американском судопроизводстве, так и собирающий процессуально оформленную информацию в процессе континентальном), должен осуществлять свою деятельность всесторонне и объективно. Данное положение также производно от первого, именно в этом насущно заинтересована и личность, и общество, государство.

3. Публичный интерес (в его глобальном понимании) в уголовном судопроизводстве всегда имеет приоритет над интересом частным и личным. В этом плане представляется, что обеспечение правопорядка в обществе является приоритетной задачей любого законодателя и правоприменителя. Да, можно говорить о «паритетном» удовлетворении частного и публичного интереса, но в любом обществе и государстве приоритет при конфликте интересов будет отдан интересу общему, отвечающему потребностям большинства членов общества.

4. Участники уголовного процесса, не осуществляющие государственных функций, не могут быть наделены государственно-властными полномочиями, что автоматически исключает возможность самостоятельного сбора процессуальных доказательств обвиняемым, потерпевшим, защитником. Указанные лица собирают информацию, сведения, которые могут быть трансформированы в доказательства судом либо органом, собирающим информацию на досудебных стадиях континентального процесса от имени и по поручению государства.

5. Уголовный процесс любого типа всегда состоит из досудебного и судебного этапа, и всегда досудебная стадия сбора информации содержит меньше гарантий достоверности полученных сведений, данное положение объективно вследствие того, что в суде доказательства исследуются наиболее полно и всесторонне, с различных позиций. Сведения, собранные даже в континентальном процессе, с применением процессуальной формы, всегда являются «потенциальными» доказательствами, могут

ними не быть признаны полноценными доказательствами судом.

6. Деятельность любого субъекта уголовного судопроизводства, принимающего решения, определяющие судьбу дела, всегда подконтрольна, общество и государство должны иметь возможность исправить допущенную ошибку. Отсюда – инстанционность и иерархия любой судебной системы и системы правоохранительных органов, участвующих в уголовном судопроизводстве.

При желании можно выделить и иные закономерности, мы указали лишь наиболее общие и принципиальные. Данные постулаты, как представляется, объективны и должны учитываться любым разумным законодателем. Если в уголовно-процессуальном законе не закреплены те или иные положения, наличие которых предопределено типом процесса и его системным построением, либо напротив, если закон содержит какие-либо нормы, не имеющие механизма их реализации и не отвечающие типу судопроизводства, это значит лишь то, что данный нормативный акт не отражает реально имеющихся между субъектами процесса правоотношений и построен без учета закономерностей уголовного процесса. Если даже орган, производящий предварительное расследование, отнесен, как в УПК РФ, к стороне обвинения, это не свидетельствует о том, что на участника судопроизводства, тем более действующего от имени государства, не возлагается каких-либо обязанностей, органично вытекающих из осуществляемой им деятельности.

Следует вспомнить претензии, предъявляемые к УПК РФ с момента его принятия. Как отмечалось, УПК РФ в ряде случаев, при применении общего порядка, требует «установления материальной истины», а при рассмотрении уголовного дела в сокращенном порядке позволяет судам ограничиваться достижением истины формальной, фактически «истиной» не являющейся.

При рассмотрении дела в общем порядке от суда требуется вынести законный, обоснованный приговор на основании исследованных доказательств. Принятие же решения в особом порядке формально подобного требования не содержит, напоминая процедуры, связанные с признанием вины в англо-американском процессе (*guilty plea*). Вопрос, как представляется, следует решать кардинально, убрав из УПК РФ положения ч. 5 и ч. 8 ст. 316 УПК РФ, устанавливающие, что судья при рассмотрении дела в особом порядке не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. Если (и поскольку) суд обязан отвечать за результат своей деятельности и, в конечном итоге, нести ответственность за состояние правопорядка в обществе, он должен быть наделен возможностью выяснять в судебном заседании все юридически значимые моменты. Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, определен в законе. В ст. 73 УПК РФ следует закрепить обязанность суда убедиться в том, что

все обстоятельства, подлежащие доказыванию, по делу установлены, а при сомнениях в качествах каких-либо из них у суда должна быть возможность исследовать полученные органом расследования доказательства в том объеме, в котором суд это посчитает нужным сделать, вплоть до самостоятельного истребования каких-либо из них. От общего порядка такая деятельность будет отличаться тем, что изучаться будут именно те обстоятельства, которые суд сочтет необходимыми для вынесения законного приговора, а не все и не автоматически.

Следующий вопрос, который имеет принципиальное значение, – вопрос об элементах системы уголовного процесса.

Уголовный процесс можно рассматривать и как систему стадий, и как систему производств, и как систему функций. Взгляд на уголовный процесс под каким-то определенным углом зрения позволяет полнее установить закономерности его построения и функционирования. Мы полагаем, что исходя из традиционного определения уголовного процесса как многоуровневой, сбалансированной деятельности его субъектов, выражающейся в виде правоотношений, в качестве элементов системы уголовного процесса логично рассматривать именно деятельность участников уголовного судопроизводства – суда, следователя, прокурора, защитника и т.д. Вряд ли целесообразно выделять в качестве элемента «деятельность сторон» либо функциональную составляющую. Во-первых, в деятельности субъектов, обладающих государственно-властными полномочиями, могут сочетаться несколько направлений (функций), во-вторых, такие, к примеру, участники уголовного судопроизводства, как эксперт и специалист, относятся к «иным» участникам и вовсе не имеют в процессе своего интереса, однако они также участвуют в судопроизводстве и взаимодействуют (вступают в правоотношения) с судом и иными субъектами, отстаивающими интересы либо защиты, либо обвинения.

Каждый субъект уголовно-процессуальной деятельности обладает собственным комплексом прав и обязанностей, компетенцией. Этот комплекс прав и обязанностей должен быть сбалансирован, причем в равновесии должны находиться процессуальные статусы всех участников, баланс должен быть направлен также на то, чтобы профессиональные задачи, процессуальные функции, отстаивание собственных либо представляемых интересов осуществлялись наиболее эффективным образом. Поскольку уголовное судопроизводство – поступательный, движущийся от начала к логическому завершению процесс, состоящий из системы стадий, также имеющих свои задачи, назначение, очевидно, что компетенции субъектов должны быть сбалансированы как в целом, так и применительно к конкретным стадиям, а права участников судопроизводства должны быть максимально обеспечены.

Любое государство любого типа построения уголовного судопроизводства путем распределения компетенций между органами и лицами, а также путем установления определенных процессуальных правил принимает меры для сбалансированности своего процесса и, в конечном итоге, для обеспечения устойчивости и стабильности правопорядка.

Известно, к примеру, что во Франции прокурор возбуждает уголовное дело, но затем не имеет возможности влиять на ход расследования, поскольку предварительное расследование ведет следственный судья, в Германии существует концепция «полицейского дознания» под контролем следственного судьи, в Итальянской же Республике возможно проведение предварительного расследования путем закрепления тех или иных процессуальных доказательств судьями различных муниципалитетов и т.д. Путем применения тех или иных конструкций, распределением и перераспределением компетенций и статусов законодатель хочет учесть и сбалансировать весь спектр разнонаправленных интересов, добиться равновесия процесса, учесть интересы как обвиняемого, так и потерпевшего и в целом – интересы общества. Сложно, к примеру, отрицать то, что расширение прав защитника на участие в следственных действиях и вообще расширение полномочий защиты на досудебных стадиях, на которых и происходит собирание основного объема доказательственного материала, не всегда сочетается с требованием обеспечения тайны следствия. Подход, как представляется, должен быть взвешенным и сбалансированным – там, где участие защитника не угрожает интересам расследования, такое участие должно быть обеспечено. Можно вспомнить предложения по наделению российского потерпевшего правом на продолжение уголовного преследования в случае отказа государственного обвинителя от обвинения. Не секрет, что при предоставлении потерпевшему подобных прав законодатель для обеспечения сбалансированности процесса столкнется с целым рядом проблем, которые придется разрешить. Нетрудно заметить, что в данном случае речь идет скорее не о расширении прав потерпевшего, а о создании своеобразного «дублирующего» обвинения, что вряд ли целесообразно, учитывая, что государственный обвинитель обладает и большим объемом профессиональных знаний, необходимых для поддержания обвинения, и неизмеримо большими возможностями, чем рядовой гражданин. Представляется, что при обеспечении высокопрофессионального государственного обвинения и повышении доверия общества к корпусу гособвинителей острота данного вопроса также значительно уменьшится.

Рассматривая вопросы системности уголовного судопроизводства, очевидно, что, как и в любой системе, в уголовном процессе возможно выделить как обязательные, органично присущие ему элементы, так и элементы необязательные, «факультативные».

Известны, к примеру, воззрения русских процессуалистов на институт гражданского иска в уголов-

ном процессе, которому всегда отводилась роль факультативного элемента процесса, гражданского иска в уголовном процессе может не быть вообще, соответственно не будет при отсутствии иска и таких участников судопроизводства, как гражданский истец, гражданский ответчик. Известны также ушедшие в прошлое фигуры общественного обвинителя и общественного защитника, имевшиеся в УПК РСФСР, чье присутствие интересами сбалансированности системы не обуславливалось, а обеспечивало участие общественности в отправлении правосудия и играло по преимуществу воспитательную роль, поскольку наряду с «общественными» имелись и «профессиональные» обвинитель и защитник. Отнесение элемента процесса к факультативному, как представляется, следует производить тогда, когда процесс и без этого элемента способен функционировать и обеспечивать достижение целей правосудия.

Вспомним также и то, что уголовный процесс как социальное явление поступательно развивается под влиянием различных факторов, возникнув в обществе, он эволюционирует, развивается вместе с ним. Факторы, влияющие на эволюцию уголовного процесса, должны быть объективными, реформирование судопроизводства следует производить, руководствуясь не сиюминутными задачами либо ведомственными интересами, а под влиянием реальных потребностей, иначе говоря, должна иметься объективная потребность общества в том или ином преобразовании, изменении того или иного института.

Обратимся к УПК РСФСР. На наш взгляд, данный нормативный акт учитывал исторические традиции и ментальные особенности российского народа, более того, «каркас прочности» УПК РФ придают как раз положения, которые сложились исторически и были заимствованы из УПК РСФСР. Изложенное касается и полномочий суда, и органа расследования, и конструкции доказательственного права, и даже (как ни парадоксально это сейчас звучит) элементов состязательности судебного следствия. Отказаться от национального уголовного судопроизводства невозможно, его можно лишь совершенствовать и изменять, причем реформирование будет тем удачнее, чем более оно будет отвечать общественным потребностям и закономерностям развития общества.

Зададимся вопросом – какими объективными потребностями вызывалось закрепление в 2009 г. в УПК РФ положений гл. 40.1 УПК РФ?

Целью введения соглашения о сотрудничестве, декларируемой представителями «силовых» структур, чья позиция, как представляется, сыграла очень значительную роль в принятии положений гл. 40.1 УПК РФ, была борьба с терроризмом и организованной преступностью, раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений, нейтрализация и осуждение лидеров ОПС. Руководители силовых ведомств указывали, что у органов правопорядка недостаточно сил и средств для контроля организованной преступности и эффективного противодействия ей и им необходима помощь законодателя.

Как известно, в итоге в УПК и УК РФ не были закреплены категории дел, по которым допустимо заключение «соглашения о сотрудничестве», фактически заключение соглашения возможно по всем делам, по которым производится предварительное расследование.

Известно также, что ОПС осуществляют свою деятельность либо в мегаполисах, где сосредоточены основные финансовые потоки, подобных городов на территории РФ немного, либо же на национальных окраинах, где их деятельность носит территориальную направленность.

В этой связи объяснимы результаты произведенных нами исследований в 7 субъектах Российской Федерации. Во всех из них имеется ряд муниципальных образований, где вообще не имеется практики применения положений гл. 40.1 УПК РФ. Руководители следственных подразделений указанных муниципальных образований поясняют, что они не используют положения данной главы УПК, так как не нуждаются в ней и полагают достаточными для осуществления своих полномочий положения гл. 40 УПК РФ. Имеется и ряд других муниципалитетов, где подобная практика была, но была прекращена, а также ряд муниципалитетов, где ранее практики не было, но она возникла по требованию вышестоящего руководства.

Как представляется, подобное «избирательное» применение норм гл. 40.1 УПК РФ указывает на то, что при введении данной главы объективной потребности, как минимум, в широком использовании ее норм не было.

Очевидно также, что положения гл. 40.1 УПК РФ по отношению к гл. 40 УПК РФ, которая также регламентирует применение сокращенной формы, являются «факультативными», не обязательными. Для достижения заявленных законодателем задач – ускорения судопроизводства и экономии ресурсов – и для получения подсудимым льготы по наказанию вполне достаточно полного признания им своей вины и необязательно избличения предполагаемого сообщника, причем способом, не дающим никаких гарантий правдивости показаний сотрудничающего со следствием лица. При вынесении приговора при согласии подсудимого с обвинением в особом порядке, в соответствии с положениями гл. 40 УПК РФ, данная стадия остается практически неизменной, собирание доказательств на ней осуществляется в том же объеме и теми же способами, как и обычно. Если обвиняемый в соответствии с ч. 2 ст. 315 УПК РФ по окончании предварительного расследования либо на предварительном слушании, если оно проводится, не заявит ходатайства о применении к нему положений гл. 40 УПК, разбирательство дела будет осуществляться в общем, «обычном» порядке. Риск недостижения истинного знания в этом случае кроется в механизме проведения судебного заседания «без исследования доказательств», и он, как представляется, преодолим. При заключении досудебного соглашения о сотрудниче-

стве эта проблема может возникнуть еще раньше, уже при самом формировании доказательства, при деятельном участии обвиняемого (подозреваемого), а также органа расследования.

Представляется, не имеется объективной потребности и во внедрении в материю уголовно-процессуального закона и ряда иных положений, например в широко рекламируемой в настоящее время «медиации». УПК РФ и в настоящее время содержит возможность примирения потерпевшего и обвиняемого (подсудимого) по определенным категориям дел, а лучшим «медиатором» является не предприниматель, неизбежно учитывающий, помимо интересов «равноправных сторон», и свои финансовые интересы, а орган государства, действующий от его имени, – суд.

Подводя итог, следует сказать о следующем:

Уголовное судопроизводство имеет свою систему, структуру закономерности своего построения, свои правила и аксиомы. Да, они не так очевидны, как правила, регулирующие физические либо химические образования и объекты, но игнорировать, не замечать, ломать их недопустимо, в противном случае на достижение успеха в затянувшемся реформировании уголовного процесса России вряд ли возможно рассчитывать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фролов А.Ю.* Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 28 с.
2. *Орлов Ю.К.* Проблемы истины в уголовном процессе // Государство и право. 2007. № 3. С. 50–56.